

Греческий текст попал в руки студента А. П. Шопова, учившегося в 70-х годах в Константинополе, и он перевел пьесу на болгарский язык³². Во время освободительной войны ее постановка запрещалась турецкими властями, она ставилась в Болгарии после освобождения. Такие же сведения получила и Н. И. Савушкина от болгарских исследователей³³. В результате своих поисков П. Н. Берков утвердился в мнении о русском происхождении народной драмы «Как француз Москву брал». Непонятно, почему и В. Е. Гусев, и Н. И. Савушкина отвергли его точку зрения.

Солдатский юмор сказался, как мне кажется, в заглавии русской народной драмы — «Как француз Москву брал», т. е. брал, но не взял. Вот этот-то позорный для Наполеона период, когда армия захватчиков оказалась вынужденной бежать из Москвы, и изображен в солдатской комедии.

Большое отступление об источниках народной драмы и ее поэтической природе вызвано необходимостью решить этот запутанный вопрос, который авторы рецензируемых книг толкуют поверхностно, односторонне, только на основе того, что трагедия А. П. Шопова ставилась на болгарской сцене после освобождения. По-видимому, необычным кажется создание литературного произведения на основе фольклорного да еще с сохранением исторических неточностей.

В заключение следует еще раз сказать о большом значении исследований и Н. И. Савушкиной, и В. Е. Гусева, создавших учебные пособия для студентов и сформировавших целостные концепции происхождения, жанровой природы и развития русского народного театра. Наличие же совпадающих точек зрения должно привести авторов к тому, чтобы добиться еще большего единства в таком сложном споре, как влияние традиций обрядовых и игрищных явлений на становление фольклорных драм и происхождение русского народного театра.

³² Берков П. Н. Трагедия А. П. Шопова «Смъртъта на княза Потемкина» и ее русский источник (библиографическое разыскание). — В кн.: Сборник в чест на академик Никола В. Михов. София. Издание на Българската Академия на науките, 1959, с. 19—30.

³³ Савушкина Н. И. Русский народный театр, с. 89—91.

А. Д. Дридзо

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА ОБ ИНДИЙЦАХ ТРИНИДАДА [К ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В ВЕСТ-ИНДИИ]

Характеризуя в свое время литературу по индийцам Тринидада, автор этих строк отмечал как существенно новую черту появление в 70-х годах работ тринидадских ученых¹. Этому в значительной степени способствовало создание в местном отделении Вест-Индского университета кафедры индийских исследований (и Центра африканских и азиатских исследований), для организации которых был приглашен из Индии профессор Дж. Ч. Джха. Он и встал во главе этой отрасли и был первым исследователем важнейших аспектов сравнительной типологии тринидадской индийской культуры и культуры тех народов Индии, откуда происходят предки современных индийцев Тринидада. Здесь, без сомнения, сыграло роль и то обстоятельство, что сам проф. Дж. Чандра Джха — уроженец Бихара — одного из главных районов эмиграции в Вест-Индию.

Нельзя сказать, что эта проблематика до Джха совершенно не привлекала внимания. Ей отдали дань и супруги Найхофф, и Мортон Класс, и Й. Малик². Но проф. Джха впервые занялся скрупулезным сравнительным анализом культурных модификаций у индийцев на Тринидаде и жителей Индии. При этом в отличие от Найхоффов и Класса Джха проводил исследования в масштабе всего острова. Его интересы были сосредоточены главным образом в области духовной культуры (в отличие от Й. Малика, уделившего ей лишь неполных 20 страниц).

Но это еще не все. Индийский ученый впервые столь основательно использовал местные архивы (точнее, то, что от них сохранилось) и особенно местную печать. И здесь у него тоже был предшественник — Д. Вуд. Но индийская тематика занимает в работе последнего сравнительно небольшую долю — лишь несколько глав в его книге, да и хронологически и тематически его исследование гораздо уже³. В то же время

¹ Дридзо А. Д. Новые работы по индийцам Тринидада. — Сов. этнография, 1974, № 2, с. 149; *его же*. Этнокультурные процессы в Вест-Индии. Л.: Наука, 1978, с. 21.

² Niehoff A. J. East Indians in the West Indies. Milwaukee, 1960; Klass M. East Indians in Trinidad. New York — London, 1961; Malik Y. East Indians in Trinidad. L., 1981. Характеристику этих работ см. в указанной статье автора: Сов. этнография, 1974, № 2. Там же отмечено, что предшественники были, конечно, и у этих исследователей, но монографическое изучение проблемы начали именно трое первых.

³ Wood D. Trinidad in Transition. L., 1968.

проф. Джха к моменту возвращения на родину (конец 70-х годов) создал немало работ, в большинстве своем положительных начало изучению ряда существеннейших аспектов этнографии, социологии и истории тринидадских индийцев. Основная тема его исследований — вопрос об «индийском наследии» на Тринидаде, т. е. прежде всего проблема культурной специфики индийцев острова. Некоторые из этих работ публиковались под сходными или даже одинаковыми заглавиями, но они не повторяют друг друга, а представляют в комплексе своего рода концентрическое изучение проблемы.

К числу главных достижений проф. Джха следует отнести широту охвата темы. Благодаря тому что ему удалось сделать всего за несколько лет, мы получили сводку обширнейшего фактического материала, в большинстве своем впервые введенного в научный оборот. Только его исследования дали, наконец, возможность представить динамику развития культуры индийцев Тринидада в конкретном ее выражении и в соотношении с культурой страны выхода⁴.

Помимо этих обобщающих работ проф. Дж. Ч. Джха создал ряд исследований по более конкретным темам. Начал он с рассмотрения истории индийской иммиграции, судеб иммигрантов в условиях Тринидада (здесь обращает на себя внимание привлечение сравнительного гайанского и суринамского материала)⁵. Затем были выделены наименее исследованные вопросы, на которых ученый и сосредоточил свое внимание. В итоге сначала появилась работа о влиянии Народного восстания 1857 г. на иммиграцию, на тринидадских индийцев и на Тринидад в целом. Построенное на не публиковавшихся ранее материалах архива Колониального ведомства и на впервые привлеченных данных тринидадской печати, это исследование позволило совершенно по-новому рассмотреть проблему. Так, впервые стало известно о планах создания каторжных поселений на Тринидаде для захваченных в плен участников восстания — планов, отвергнутых, однако, из страха, что это повлияет на массу иммигрантов. Очень важны сведения о том влиянии, которое оказало восстание на иммиграцию из Индии. После появления работы Дж. Ч. Джха можно считать доказанным, что, боясь преследований, многие участники восстания устремились за океан. Отсюда и поражающая исследователей этого периода неразбериха в документах, ибо очень многие из отъезжающих вынуждены были давать о себе неправильную информацию. Очень интересны, наконец, данные о страхах, внушенных восстанием тринидадским колониальным властям, тем более что некоторые участники его были обнаружены на острове⁶. Следует добавить, что перед нами пока единственное специальное исследование на указанную тему.

Доклад по ранней истории индийских национальных организаций Тринидада, с которым автор выступил на V конференции историков Карибских стран, происходившей в Сент-Огастине (Тринидад) в 1973 г.⁷, построен преимущественно на архивных документах и тринидадской прессе. Эта работа впервые подробно показывает, как создавались национальные организации, как повлияла на них борьба народов Индии, как в этой обстановке решалась проблема индийско-негритянских отношений, содержит характеристики общественных деятелей-индийцев, позволяет сделать выводы о классовом характере проводимой этими организациями политики. Доклад проф. Джха имеет большое значение для исследования этносоциальных и этнополитических процессов на Тринидаде, да и во всей Вест-Индии: такого рода работ и по другим группам населения нам встречать не приходилось.

Важнейшее значение имеет опубликованная в том же году статья проф. Джха о тринидадском варианте праздника холи (местное его название — *пхавга*)⁸. Подробно охарактеризовав этот праздник в условиях Индии, он тщательно прослеживает те формы, которые пхавга приняла на Тринидаде. Работы по модификации различных параметров индийской культуры среди иммигрантов представляют, как хорошо известно, большую ценность и в конкретно-историческом, и в общетеоретическом плане. Проф. Джха, первый ученый, специально обратившийся к изучению пхавги, сумел показать, что она эволюционировала в сторону местного карнавала («фестиваля»), что праздничные песни сблизились с тринидадскими калипсо. Прослежено изменение организационных форм пхавги (создание общегосударственных комитетов и объединений, проведение курсов в масштабе острова, а затем и в международном масштабе, с привлечением гайанских и суринамских индийцев, превращение исполнительских групп в полупрофессио-

⁴ Подр. см.: Jha J. C. Indian Heritage in Trinidad.— *Journal of Social Research Ranchi*, 1972, v. XX, № 2; *idem*. Indian Heritage in Trinidad.— *The Quarterly Review of Historical Studies*, Calcutta, 1972—1973, v. XII, № 1; *idem*. Indian Heritage in Trinidad, West Indies.— *Caribbean Quarterly*. Mona, 1973, v. 19, № 2, VI; *idem*. Indians in the West Indies.— *India Quarterly*. New Delhi, 1974, XII—IX; *idem*. Indian Heritage in Trinidad (West Indies).— *The Eastern Anthropologist*. Lucknow, 1974, v. 27, № 3, VII—IX; *idem*. The Indian Heritage in Trinidad.— In: Calcutta to Caroni. The East Indians in Trinidad/Ed. La Guerre J. G. [L.] 1974.

⁵ Jha T. C. Indentured Indian Migration (1835—1917).— *Journal of Indian History*. Trivandrum, 1970, v. XLVII, pt II, VIII.

⁶ Jha J. C. East Indian Pressure Groups in Trinidad, 1897—1921.— In: University of West Indies. History Conference 1973 (5-th Conference of Caribbean Historians, Saint Augustine, 1973).

⁷ Jha J. C. The Indian Mutiny-cum-Revolt of 1857 and Trinidad (West Indies).— In: *Indian Studies, Past and Present*. Calcutta, 1972, v. XII, № 4, XII—IX.

⁸ Jha J. C. The Hindu Festival of Phagwa (Holi) in Trinidad and Tobago (West Indies).— In: *Journal of the Ganganath Jha Research Institute*. Allahabad, 1973, v. XXIX, pt. 1—4 (centenary volume). О рамплие и дивали опубликованы еще две его статьи на хинди (1974, 1977).

нальные, а затем и в профессиональные труппы). Несомненный интерес представляют приведенные ученым гайанские и суринамские параллели (в первой из этих стран пхагва уже более 10 лет официально признана одним из национальных праздников и в день ее проведения гайяны не работают).

Интересный материал по проблемам семьи содержится и в более поздней статье Дж. Ч. Джха, посвященной весьма больному для Тринидада вопросу об официальном признании браков, заключенных по индуистскому или мусульманскому обряду без регистрации в органах записи актов гражданского состояния⁹.

Своего рода подведением итогов работ, проведенных к началу 80-х годов, явилось выступление проф. Джха на Индийском историческом конгрессе 1980 г., где он был избран председателем секции по «странам за пределами Индии»¹⁰. Указав, что сам он пришел к исследованию индийцев Вест-Индии в ходе работы над историей племен Южного Бихара в конце XVIII и в XIX вв. проф. Дж. Джха проводит в этом докладе обзор законченных работ по индийцам Тринидада (и отчасти других островов), а также указывает проблемы, которые еще должны быть рассмотрены. Среди них — положение иммигрантов, роль, которую индийцы сыграли в развитии экономики Вест-Индии, социальные изменения в их среде в конце XIX и в XX вв., особенно после первой мировой войны и позднее. Эти направления стали уже традиционными, и наибольший интерес представляет, конечно, не само их перечисление, но тот новый материал, который придается в этой связи автором.

Так, впервые комплексно рассматривается вопрос о связях Индии с иммигрантами на Тринидаде, в частности о той роли, которую сыграли в национальном движении поздние переселенцы (например, врач из Индии Р. Шарма, занявший здесь ведущее положение во втором десятилетии XX в., и инженер Р. Кумар — в конце 40-х годов)¹¹. Совсем не исследовались еще, по мнению проф. Джха, и выступления индийских трудящихся в первой половине 1930-х годов, особенно в 1934 г. (последние стали даже предметом специального расследования)¹².

Но, пожалуй, наиболее ценны в докладе указания на источники по индийцам Тринидада, либо не использованные еще совсем, либо использованные недостаточно. Проф. Дж. Джха, в частности, отмечает большое значение полученных от иммигрантов устных и письменных свидетельств, позволивших ему разобраться в архивных данных, где имена, касты, места выхода и даже религиозная принадлежность переселенцев искажались подчас до неузнаваемости. Впервые мы узнаем о тринидадских семейных архивах, содержащих материалы на хинди, урду и даже на майтхили (родный язык проф. Джха), о таком еще совершенно не использованном источнике, как архивы христианских миссий и церквей, работавших среди индийцев, об индийской тринидадской прессе (насколько нам известно, докладчик впервые указывает, вопреки многочисленным заявлениям противоположного характера, что одна газета на хинди здесь все-таки выходила — это «Хиндустанн Кохинур ка Акбар», издававшаяся в Порт-оф-Спейн в конце прошлого века; говорится также о выходившей с 1919 г. англоязычной «Ист Индиен Хералд» и о ее преемнице в 20—30 годах «Ист Индиен Уикли»).

Не лишены интереса и оценки проф. Джха того, что уже сделано по теме. Надо сказать, что оценки эти, при отсутствии конкретных претензий к той или иной книге, далеко не всегда представляются оправданными, а по отношению, скажем, к монографии Д. Вуда — и вовсе несправедливыми. Некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что совсем не характеризуется сборник работ тринидадских ученых «Из Калькутты на Карони»¹³. Он упоминается лишь один раз — там, где автор ссылается на свою опубликованную в нем статью¹⁴.

Между тем этот сборник несомненно имеет для нас первостепенное значение. Это своего рода коллективная монография об индийцах Тринидада.

В небольшом введении видного вест-индского ученого Л. Брэсуэйта подчеркивается, что сборник представляет первую попытку охвата проблемы индийцев на Тринидаде в целом. Несколько подробнее эта мысль раскрывается в предисловии редактора — Дж. Г. Ла Герра. То обстоятельство, что социальное и политическое значение индийской проблемы в условиях Вест-Индии не получило надлежащего отражения в научной сфере, он объясняет несколькими причинами. Негритянское происхождение почти всей интеллигенции региона, считает он, ограничило круг ее научных интересов вопросами, связанными с Африкой, рабством или с колониальной системой. С другой стороны, и метрополия, и вновь возникшие независимые государства исходили, по его мнению, из того, что ассимиляция индийцев — уже совершившийся факт; там же, где это мнение не получило преобладания, индийская тема исключалась из рассмотрения вследствие взгляда на Вест-Индию как на единое целое¹⁵. В литературе об индийцах Тринидада Дж. Ла Герр выделяет «три потока». О первом он лишь упоминает — это колониалистский поток. Второй, «националистический» рассматривается более детально. Автор отно-

⁹ Jha J. C. The Background of the Legalisation of Non-Christian Marriages in Trinidad and Tobago. — Quarterly Review of Historical Studies. Calcutta, 1976, v. XVI.

¹⁰ Jha J. C. Presidential Address, Section IV: Countries other than India. — Indian Historical Congress. XLI Session. Bombay, 1980.

¹¹ Ibid., p. 12.

¹² Ibid., p. 13; это не совсем так: появились интересные работы В. Самару, характеристика которых дана ниже.

¹³ La Guerre J. (ed.), Calcutta to Caroni. The East Indians in Trinidad. L., 1974 (Далее C—C).

¹⁴ Jha J. Presidential Address. Note 37.

¹⁵ Ibid., p. X.

сит к этой категории издания, которые либо служили делу «политической борьбы», либо задаче «создания нации» (nation building). Последнее определение выглядит довольно искусственно. И не только потому, что ни один писавший по интересующему нас вопросу не мог (даже если и хотел) остаться в своих работах вне политики (тем более если стремился к «созданию нации», т. е., согласно принятой на Западе терминологии, к освобождению того или иного народа от колониализма). В этом «потоке» Дж. Ла Герр объединяет и небольшие брошюры об индийцах, принадлежащие перу тринидадских авторов¹⁶, и капитальные исследования крупнейшего тринидадского историка¹⁷, и издание, вышедшее к столетней годовщине начала индийской иммиграции¹⁸, и даже... уже упоминавшуюся тринидадскую и индийскую периодику. Главное достоинство всех этих изданий он видит в накоплении фактического материала, основной недостаток — в «отсутствии теории»¹⁹. Наконец, третий «поток» наиболее важный, включает, по Дж. Ла Герру, уже чисто научные исследования этнографов, историков и социологов. На первом этапе развития этого «потока» происходили споры между двумя группами специалистов из Института социальных и экономических исследований при Вест-Индском университете в Мона (около Кингстона на Ямайке) — Дж. У. Робертсом, Л. Брэсуэйтом, Майклом Дж. Смитом и Рэймондом Смитом. Если первые двое, по его мнению, занимались главным образом демографией и до накопления необходимой информации отказывались от теоретических обобщений²⁰, то остальные с самого начала пытались определить характер и специфику вест-индского общества. В итоге появились две школы: во главе первой из них встал М. Дж. Смит, вторую возглавили Л. Брэсуэйт и Р. Смит. Применительно к нашей теме их разногласия выглядели примерно так. М. Дж. Смит и его последователи считали, что индийцы имеют так мало общего с остальным населением Вест-Индии, что социальные изменения в их среде возможны лишь в результате насильственных мер. Брэсуэйт и Р. Смит полагали, что, несмотря на различие этих групп, существует «общий уровень стремлений» и это дает возможность преодолевать различия, не прибегая к насильственным мерам²¹.

Таким образом, возникли две школы в исследовании вопроса: одна принимала как данность различие культур, вторая ратовала за ассимиляцию. Результатом их деятельности стало появление первых специальных этнографических монографий. Принадлежали они, однако, еще не вест-индцам, а американцам уже известным нам М. Классу, супругам Найхофф, а затем и вест-индскому ученому К. Бахадурсингху и работающему в США ученому из Индии Й. Малику. Все они нами уже рассматривались²².

Оценивая исследования своих предшественников, Дж. Ла Герр приходит к выводу, что подавляющее большинство из них либо не справилось с поставленными задачами, либо ограничилось узкими рамками. С его оценкой, однако, трудно согласиться. Он подчеркивает далее, что до появления редактируемого им сборника не предпринималось попыток охватить всю проблему в целом.

Что же представляет собой сам этот сборник? Он открывается статьей Дж. Ч. Джха об «индийском наследии». Останавливаться на ней мы не будем, так как исследования этого ученого уже получили оценку на предыдущих страницах настоящего обзора.

Б. Бреретон дает краткий, но насыщенный материалом очерк жизни индийцев от начала вербовки до ее прекращения (1845—1917 гг.). Очерк этот построен преимущественно на литературных источниках; вводятся в оборот (насколько можно судить, впервые) и приведенные в двух газетных сообщениях данные о религиозной практике индийцев 70-х годов XIX в.

Автор следующей статьи, К. Сингх, исследует роль и место индийцев в тринидадском обществе с середины 40-х годов XIX в. до середины 50-х годов XX в. В ней привлекается обширнейший газетный, архивный и опубликованный документальный материал. Многие аспекты темы автор осваивает если и не впервые, то, безусловно, подробнее, чем это было сделано до него. К. Сингх одним из первых пытается обобщенно истолковать особенности выступлений индийцев в защиту своих интересов, возможности и перспективы этих выступлений, выделить основные моменты этнополитической ситуации на Тринидаде в XX в., справедливо отмечая роковую роль существующей и поныне расовой разобщенности на острове, а также религиозной разобщенности внутри индийского этноса. Он, далее, весьма настойчиво выделяет социально-экономический аспект проблемы, связывая прежде всего с ним то обстоятельство, что движение индийских трудящихся масс не получило еще достаточного развития.

Важной теме посвящена статья Уинстона Дукерана «Индийцы и экономика Тринидада и Тобаго». Принципиально новых положений и данных она не содержит, но убедительно подтверждает уже хорошо обоснованный исследователями 60-х годов тезис, что именно для индийской части населения острова характерен самый низкий уровень жизни.

Весьма интересна и актуальна по тематике следующая статья — «Политика и афро-индийские отношения на Тринидаде» Б. Самару. Если другие авторы, исследовавшие

¹⁶ Singh H. P. The Indian Engima. Port-of-Spain, 1964; James C. L. R. West Indians of East Indian Descent. Port-of-Spain, 1965.

¹⁷ Williams E. History of the People of Trinidad and Tobago. L., 1964.

¹⁸ Kirpalani M. Indian Centenary Review. Port-of-Spain, 1945.

¹⁹ C-C, p. X.

²⁰ С подобной оценкой работы Робертса трудно согласиться. Ее содержание намного шире названия; см.: Roberts G. W. The Population of Jamaica. Cambridge, 1957.

²¹ C-C, p. XI. Материалы дискуссии см.: Annals of the New York Academy of Sciences, 20 Jan. 1960, v. 83, art 5, p. 761—916.

²² Сов. этнография, 1974, № 2.

межрасовые отношения на острове, чаще всего делали акцент на факторах разобщения, а привлекая социально-экономический материал, мало интересовались проблемами классовой борьбы, то Б. Самару и в этой, и в других своих работах²³ выдвигает на передний план именно классовый аспект, и в центре его внимания то, что объединяло индийских и негритянских трудящихся. Достоинство статьи — и в том, что автор ее четко выявляет не только классовую обусловленность солидарности негритянских и индийских трудящихся, но и те события, в ходе которых или в результате которых сформировалась эта солидарность: прежде всего первую мировую войну (когда довольно значительные группы небелых тринидадцев побывали в Европе, а в самом Тринидаде крайне обострились противоречия между трудом и капиталом и т. п.). Следствием тех же событий Б. Самару считает и забастовочное движение 1919 г., участниками которого были как негры, так и индийцы.

В 20—30 годах XX в. возникают уже политические организации на «двухрасовой» основе, выдвинувшие и руководителей нового типа (индийцев и негров); некоторые из них, особенно в начале своей деятельности, занимали достаточно определенные классовые позиции. В первую очередь это относится к Кришне Деонарайну (принявшему как политический псевдоним имя народного трибуна Италии XIV в. Кола Риенци). В 1927 г. Риенци смертельно напугал колониальную администрацию своей приветственной телеграммой, посланной в Москву в связи с 10-летием Великого Октября. Поздравив рабочих России с достигнутыми за это время успехами, Риенци далее заверял советских людей в поддержке тринидадского рабочего класса. Губернатор поспешил доложить о телеграмме и о ее авторе лично министру колоний, а затем неоднократно осведомлял его о дальнейших шагах Риенци, в это время руководившего отделением Тринидадской ассоциации трудящихся в Сан Фернандо²⁴ и, как утверждалось в донесении, призывавшего индийские организации Тринидада присоединиться «к Британской лейбористской партии и к III Интернационалу».

Несколько лет спустя тот же Риенци писал: «Только диктатура рабочего класса, движимая революционной решимостью и социалистической философией, может разрешить противоречия и создать новый общественный порядок, который обеспечит гармонию общества и науки и сделает человечество хозяином всех тех богатств, что явились результатом его труда и изобретательности».

Существовало и более умеренное крыло, ставившее целью достижение Тринидадом автономии, а затем и прав доминиона. Руководили им такие индийские деятели, как Т. Рудал и Ф. Хосейн. И тот и другой также действовали в контакте с крупнейшими «многорасовыми» организациями колонии.

Высшим достижением трудящихся Тринидада в их антиколониальной борьбе были события 1937 г., начавшиеся с забастовки нефтяников-негров и затем охватившие плантационных рабочих-индийцев. Народные массы острова выступили под руководством негра У. Батлера и индийца К. Риенци. Выступления эти, подавленные военной силой, имели тем не менее огромное значение для дальнейшего развития Тринидада. Колонизаторам пришлось кое в чем пойти на уступки. Вместе с тем, осознав крайнюю опасность объединенных многорасовых выступлений, они поспешили расколоть негров и индийцев.

Постепенно движение народных масс было обезглавлено, его лидеры, прежде всего те же Батлер и Риенци, приняли предложенные им выгодные политические посты, а само движение британским колонизаторам удалось перевести в плоскость борьбы за пропорциональное представительство этнорасовых групп во вновь созданных учреждениях колонии; возникшие затем новые партии сформировались также на этнорасовой основе. Все это хорошо показано Б. Самару. Однако, анализируя причины того, почему подобная тактика удалась англичанам, автор лишь косвенно упомянул о главном: о политической, классовой незрелости негритянского и индийского отрядов трудящихся. Все (или почти все) следствия этого указаны и перечислены, однако причины в статье не фигурируют. Но тем не менее работа Б. Самару представляет большой интерес. Избрав предметом исследования именно те аспекты проблемы, которые обходят не только англо-американские, но и тринидадские специалисты, он показал истоки «межрасовой солидарности» трудящихся. Им привлечен значительный круг источников — материалы архива колониального ведомства, различных органов печати, подробных бесед с ветеранами политической борьбы. Б. Самару ввел в научный оборот множество новых данных.

Завершает сборник небольшая статья Дж. Ла Герра «Индийский средний класс сегодня». Цель автора — объяснить, почему индийские партии (прежде всего, Демократическая лейбористская партия — ДЛП, в которой индийцы решительно преобладают) не добились успеха в политической жизни Тринидада. Причин приводится довольно много, но основная, по мнению автора, в том, что ни та ни другая этнорасовая группа не считают Тринидад «плюралистическим обществом», т. е. не смогли пока преодолеть препятствия на пути к объединенным действиям. Среди индийцев, считает Дж. Ла Герр, слишком большую роль играет религиозно-политическая организация Санатан дхарма маха сабха (СДМС). Кроме того, небольшая еще прослойка образованных людей (их он и называет «средним классом») оторвана от основной массы индийского населения, так как исповедует христианство, что определяет и ее иной культурно-бытовой облик. По-

²³ Samaroo B. The Trinidad Workingman's Association and the Origins of Popular Protest in Crown Colony. — In: Social and Economic Studies, 1972, v. 20, № 2.

²⁴ Весьма показательно, что лет за 15 до этого Ассоциация носила типично мелкобуржуазный характер, состояла преимущественно из негров и отличалась антииндийской направленностью (см. Дридзо А. Д. Этнокультурные процессы..., с. 180).

мимо этого, индийцы разобщены не только по линии «индуисты — христиане», но и по линии «индуисты — мусульмане». По мнению автора, залог преодоления этой разобщенности — в культурной интеграции всего индийского населения. В связи с этим говорится, например, о создании при местном университете «Общества по распространению индийской культуры». Однако такая интеграция заметным образом направлена не только на объединение индийцев, но и на дальнейшее их разобщение с неграми, большая часть которых, со своей стороны, движется в том же направлении (под лозунгом «Власть черным!», и под другими националистическими лозунгами). Отсюда, пишет Дж. Ла Герр, и неудача индийских партий (и индийских политических деятелей, включая даже тех, кто выступал в союзе с негритянскими политиками). Сейчас, продолжает он, среди индийцев существуют разногласия по поводу того, каким путем пойдет дальнейшее развитие индийской культуры (правильнее было бы сказать — этнокультурных процессов) на Тринидаде. Автор статьи выступает с позиций тех, кто считает индийскую культуру настоящей (или будущей) частью культуры общетринидадской.

Конечно, теперь, внимательно ознакомившись со сборником, мы можем оспорить уже приводившиеся в данном обзоре оценки авторов предисловия и введения. Это, как мы увидели, не исчерпывающее исследование, в нем не охвачены многие аспекты проблемы, да и освещение последней неодинаково по уровню и достигнутым результатам. Вероятно, и нельзя требовать слишком многого от книги размером в 107 страниц. Но то, что сделано на этих страницах, заслуживает пристального внимания, ибо если до начала 70-х годов мы располагали по нашей теме либо главами или разделами в общих работах (как правило, посвященных зарубежным индийцам в целом), либо монографиями, выполненными на уровне одной деревни, одного графства или округа, то в это десятилетие, наряду с появлением нескольких новых общих монографий европейских или американских ученых, начинается интенсивное развитие национальной школы изучения индийцев Тринидада. Для нее характерен охват проблемы в масштабах всего острова. Такой принципиально новый подход имеет, естественно, важнейшее значение.

От цикла статей (работы проф. Джха) к сборникам («От Калкутты до Карони») и далее уже и к монографиям (типа Бреретон)²⁵ — таков путь, проделанный школой менее чем за десятилетие. И интересны здесь не одни только позитивные результаты, но и недостатки, спорные моменты, оценки, с которыми можно и нужно полемизировать.

В этой связи нельзя хотя бы не упомянуть о том, что интересующая нас тематика прочно утвердилась на таких обществиндских форумах, как ежегодные конференции историков. Так, на V конференции помимо проф. Джха с докладом «О пробуждении политической сознательности среди индийцев Тринидада в конце XIX в.» выступил Дж. Тикасингх; на VII — о расселении индийцев на Тринидаде до конца XIX в. докладывала М. Рамесар и т. д. (издания конференций выходят на роттапринте и за пределами Вест-Индии почти не встречаются, поэтому это перечисление нельзя считать исчерпывающим).

Значительно увеличилось число статей тринидадских ученых по указанной тематике и на страницах местных научных журналов²⁶. Некоторые тринидадские авторы выступали и на конгрессе американистов²⁷. Продолжалось изучение соответствующей тематики и в Индии²⁸.

Вероятно, этот список можно продолжить. Но в настоящем обзоре хотелось бы в заключение подчеркнуть, что многие еще не решенные проблемы изучения индийцев Тринидада связаны и с отсутствием на острове ученых-марксистов. В этом отношении он пока отстает от Ямайки, где такие ученые уже есть и перу их принадлежат работы, получившие высокую оценку в печати. Я имею в виду монографию Т. Мурро и Д. Роботам²⁹, а также Р. Харта³⁰.

Появление этих работ, тот высокий уровень, на котором они выполнены, позволяет рассчитывать, что в обозримом будущем мы познакомимся и с исследованиями тринидадских марксистов, в частности по интересующим нас вопросам. Ямайский пример — одна из важных тому предпосылок; другая, несомненно, связана с появлением и развитием национальной историко-этнографической школы, явившейся следствием победы тринидадского народа в борьбе за независимость.

²⁵ *Brereton B. Race Relations in Colonial Trinidad (1870—1900)*. Cambridge, 1980.

²⁶ *Agostino M. K. Sexual Politics in the East Indian Family in Trinidad*. In: *Caribbean Studies*, April 1976, v. 16, № 1; *Ramesar M. The Impact of the Indian Immigrants on the Colonial Trinidad Society*.— In: *Caribbean Quarterly*, March 1976, v. 22, № 1; *idem. Patterns of Regional Settlement and Economic Activity by Immigrant Groups in Trinidad and Tobago*.— In: *Social and Economic Studies*, 1976, v. 25; *La Guerre J. Afro-Indian Relations in Trinidad and Tobago: an Assessment*.— In: *Social and Economic Studies*, September 1978, v. 25, № 3; *Baksh J. J. Stereotypes of Negro and East Indians in Trinidad: a Re-Examination*.— In: *Caribbean Quarterly*, March-April, 1979, v. 25, № 1—2.

²⁷ *Ramesar M. D. Factors in the Settlement of the Indians in Trinidad, 1891—1946*.— In: *Actes de XLII-e Congrès des Américanistes*, 1976. P., 1976.

²⁸ *The Other India: the Overseas Indians and their Relationship with India*/Ed. Bahadur Singh J. J. New Delhi, 1979.

²⁹ *Munro T., Robotham D. Struggles of the Jamaican Peoples*. Kingston, 1977; см. рецензию: *Логонов Ю., Уласевич В.* Ямайка: годы борьбы.— *Коммунист*, 1979, № 2.

³⁰ *Hart R. Slaves Who Abolished Slavery*. V. I. Kingston, 1980; рец. на нее см.: *Проблемы мира и социализма*, 1981, № 9.